

М. А. Дьяконов

Власть московских государей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М. А. Дьяконов**
Власть московских государей / М. А. Дьяконов – М.: Книга по Требованию,
2014. – 230 с.

ISBN 978-5-4241-5396-9

Очерки из истории политических идей древней Руси.

ISBN 978-5-4241-5396-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предлагаемые очерки посвящены вопросу о возникновении и развитии идеи самодержавной власти московских царей. Этот основной вопрос истории русского государственного права едва ли может считаться окончательно выясненным. Но в настоящее время не может подлежать спору то положение, что самая идея самодержавной власти позаимствована из Византии. Детальное выяснение этого положения еще ждет своего исследователя. Предстоит выяснить, когда, через посредство каких литературных и юридических памятников русская публицистическая литература успела познакомиться с византийскими государственными идеями и что из них позаимствовала. Тогда только во всей ясности можно будет выяснить ход развития национального русского политического самосознания.

Такой работы не могъ принять на себя авторъ настоящихъ очерковъ: онъ не обладаетъ для этого специальной подготовкой византиниста. Но въ ожиданіи, пока такая тема найдетъ своего исследователя, — а этого, вѣроятно, не долго придется ждать, — будетъ не лишнимъ, кажется, дать читателю возможность хотя нѣсколько ориентироваться въ вопросѣ такой существенной важности.

Подъемъ политическаго самосознанія, наблюдаемый съ половины XV вѣка послѣ Флорентійской уніи и паденія византийской имперіи, долженъ найти свое объясненіе въ исторіи церковныхъ и политическихъ отношеній древней Руси къ Византии. Въ первой главѣ авторъ дѣлаетъ попытку представить компилятивный очеркъ этой исторіи на основаніи результатовъ, добытыхъ ученой критикой, заимствуя изъ нихъ лишь то, что казалось ему необходимымъ для дальнѣйшей исторіи во-

проса. Параллельно этому во втором очеркѣ представленъ сводъ главнѣйшихъ политическихъ учений, какія проводились въ древнерусской письменности до половины XV вѣка. Авторъ полагаетъ, что, до появленія обстоятельныхъ трудовъ въ этой сферѣ, такой очеркъ можетъ хотя отчасти уяснить съ какимъ запасомъ политическихъ идей успѣла ознакомиться русская мысль въ указанное время. Первые два очерка, такимъ образомъ, имѣютъ цѣлью указать съ одной стороны, почему до паденія византійской имперіи въ исторіи русской мысли не замѣтно попытокъ къ проведению какихъ-либо самостоятельныхъ политическихъ задачъ или къ выясненію національныхъ политическихъ цѣлей, а съ другой—объяснить быстроту въ развитіи политическаго самосознанія съ половины XV вѣка.

Возникновеніе и развитіе этого самосознанія уже отмѣчены русской ученой литературой. Роль автора поэтому и здѣсь ограничивалась преимущественно сводомъ добытыхъ результатовъ о московскихъ политическихъ фикціяхъ XVI вѣка и о теоріяхъ власти московскихъ государей. То немногое, что удалось автору прибавить къ выводамъ ученой критики, не измѣняетъ ихъ существеннаго содержанія.

Наконецъ, въ послѣднихъ двухъ главахъ указаны нѣкоторыя изъ примѣненій, сдѣланныхъ въ XV и XVI вѣкахъ изъ новыхъ политическихъ учений московскимъ правительствомъ.

Не смотря на неполноту и отрывочность предлагаемыхъ очерковъ, авторъ надѣется, однако, что они будутъ не бесполезны для занимающагося русской исторіей и, быть можетъ, вызовутъ дальнѣйшую разработку такого важнаго вопроса, какъ власть московскихъ государей.

Авторъ считаетъ своимъ долгомъ выразить сердечную признательность профессорамъ В. И. Сергѣевичу, К. Н. Бестужеву-Рюмину и В. Г. Васильевскому за многіе данные ими совѣты, указанія и поправки. Онъ также глубоко благодаренъ В. Г. Дружинину, С. Ѡ. Платонову и А. С. Лаппо-Данилевскому за товарищескую помощь и вниманіе, какія онъ постоянно встрѣчалъ съ ихъ стороны въ теченіе своихъ работъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Церковныя и политическія отношенія Византіи въ древней Руси.

Принятіе христіанства по обрядамъ греко-православной церкви поставило древнюю Русь въ тѣсныя культурныя отношенія къ Византіи и надолго подчинило первую вліянію византійской цивилизаціи.

Носителемъ и провозвѣстникомъ истинъ евангельскаго ученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новыхъ взглядовъ на общественныя отношенія, явилось духовенство. Пользуясь привилегированнымъ положеніемъ и благодаря широтѣ предоставленной ему компетенціи, духовенство не только содѣйствовало преобразованію частно-правового быта молодой націи согласно началамъ византійскаго права, но высше представители его—митрополиты и епископы—стали въ очень близкія отношенія къ княжеской власти, и ихъ руководительная роль нерѣдко переходила за предѣлы вѣренннхъ ихъ попеченію сферъ жизни. Голосъ ихъ сталъ раздаваться на княжескихъ совѣтахъ или думахъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ государственной жизни, ихъ инициатива проникла и въ эту область.

Чтобъ оцѣнить значеніе политическаго вліянія духовенства съ этой стороны, необходимо имѣть въ виду, что вновь учрежденная русская митронолія поставлена была въ подчиненіе константинопольскому патріарху. По воззрѣніямъ грековъ, основаніемъ для такого подчиненія съ одной стороны служила практика, сложившаяся еще въ первые вѣка христіанства, въ силу которой церковь, получающая свое бытіе отъ другой, становилась подъ ея власть; русская же іерархія вела свое начало изъ Константинополя. Съ другой стороны византійскіе канонисты Зонара и Вальсамонъ толковали

28 правило Халкидонскаго собора ¹⁾ въ томъ смыслѣ, что подчиненные константинопольскому патриарху діоцезы Понтійскій, Азіискій и Фракійскій включаютъ въ себѣ всѣ страны принявшихъ христіанство варварскихъ народовъ: иноплеменные россы отнесены были ими къ Фракійскому діоцезу ²⁾. Наконецъ, на укорененіе такихъ взглядовъ оказывало свое вліяніе и особенное почетное положеніе константинопольскаго патриарха, носившаго титулъ «вселенскаго» и занимавшаго кафедру міровой столицы вблизи престола главы «христіанской міродержавной римской имперіи».

Византійскіе императоры, считая себя единственными представителями міровой имперіи и не признавая ни за кѣмъ, даже за римскими императорами, права на одинаковое съ ними положеніе, смотрѣли на всѣхъ христіанскихъ государей, какъ на стоящихъ ниже ихъ. Соотвѣтственно этимъ возрѣніямъ представители христіанскихъ народовъ, принявшихъ христіанство изъ Византіи, оказались не только стоящими въ болѣе низкомъ, но даже зависимомъ положеніи отъ имперіи.

Интересы государства и церкви въ Византіи по отношенію къ этимъ народамъ заключались въ томъ, чтобы поддержать въ ихъ глазахъ авторитетъ міровой монархіи и вселенской церкви. Этотъ взглядъ отчасти находилъ свое оправданіе въ существовавшихъ у этихъ народовъ возрѣніяхъ на положеніе и значеніе византійской имперіи, какъ представительницы истиннаго правовѣрія. Въ VII вѣкѣ епископы и князья Арменіи слѣдующимъ образомъ выражаютъ свою почитательность византійскому императору: «Всѣмъ хорошо извѣстно, что на васъ почиваетъ благодать божественныхъ даровъ, что доказывается обширностью и могуществомъ, которыми ваше государство, увѣнчанное божественною десницею, превосходитъ всѣ прочія государства. Его можетъ замѣнить развѣ только царствіе Христово. Первосвященство ваше свято, правдиво и исполнено божіей благодати» и проч. ³⁾. Подобныя возрѣнія могли легко возникнуть вслѣдствіе того почитательнаго удивленія, какое возбуж-

¹⁾ Въ немъ, между прочимъ, сказано: «въ діоцезахъ Понтійскомъ, Азіискомъ и Фракійскомъ должны быть поставляемы святѣйшимъ престоломъ святѣйшей церкви константинопольской только митрополиты, а также отъ него же должны быть поставляемы и епископы варварскихъ областей въ уваженныхъ выше діоцезахъ». По переводу *проф. Голубинскаго*, Ист. русск. церкви, т. I, ч. 1, стр. 226, прим. 2.

²⁾ *Проф. Голубинскій*, тамъ же; *Т. Барсовъ*, Константинопольскій патриархъ и его власть надъ русскою церковью, стр. 364—365, 443—445; *проф. Павловъ*, Теорія восточнаго папства, Прав. Обзор. 1879 г., декабрь, стр. 754.

³⁾ *Проф. Ламанскій*, Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV—XVII вв., Слав. Сборн., т. I, ч. 1, стр. 464, прим.

дала у полуварварскихъ народовъ пышная и сильная своимъ культурнымъ превосходствомъ византийская имперія. Ея правительство съумѣло воспользоваться этими данными и открыто считало всѣ земли, куда проникло христіанство изъ Греціи, находящимися отъ него въ зависимости не только церковной, но и политической ¹⁾).

Такъ какъ русская церковь съ момента своего возникновенія стала въ подчиненное положеніе къ церкви константинопольской ²⁾, то только на почвѣ этого подчиненія и могла возникнуть идея о политической зависимости древней Руси отъ византийской имперіи. Значеніе этой идеи прежде всего должно выясниться при разсмотрѣніи церковнаго подчиненія древней Руси. Для этой же цѣли не столько важна каноническая сторона вопроса, сколько существовавшая въ этомъ отношеніи практика и воззрѣнія константинопольскихъ церковныхъ властей ³⁾.

Соотвѣтственно этимъ воззрѣніямъ идея о подчиненности русской церкви константинопольскому патриарху основывалась на представленіи, что константинопольскій патриархъ есть «общій отецъ, свыше отъ Бога поставленный для всѣхъ повсюду находящихся христіанъ» и «имѣющій на землѣ права Бога»⁴⁾. Въ половинѣ XIV в. патриархъ Филоеѣ писалъ русскимъ князьямъ, что они, какъ истинные сыны церкви, должны внимать митрополиту всея Руси и его внушеніямъ такъ, какъ обязаны внимать самому Богу. «Ибо, пишетъ патриархъ, такъ какъ Богъ поставилъ нашу мѣрность предстоятелемъ всѣхъ по всей вселенной находящихся христіанъ, попечителемъ и блюстителемъ ихъ душъ, то всѣ зависятъ отъ меня,

¹⁾ Тамъ же, стр. 457 и слѣд.; *проф. Голубинскій*, тамъ же, стр. 138. Эти взгляды византийскихъ правительственныхъ сферъ занесены были и на Русь. Такъ въ подложной грамотѣ о Константиновомъ вѣнѣ папѣ Сильвестру завѣщается не нарушать привилегій церкви «всѣмъ же по всей вселенной будущимъ православнымъ царемъ и княземъ и властелемъ... всѣмъ же по всей вселеннѣй людямъ, нинѣ сущимъ въ сихъ лѣтахъ и потомъ во вся лѣта предыдущая, нашему царству подлежащимъ».. *Ф. Терновскій*, Изученіе византийской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси, стр. 143. По редакціи этой грамоты въ Стоглавѣ соотвѣтственное мѣсто читается такъ: «по всей вселеннѣй, идѣже православнн князи и властели подѣ нами обладають нашего освобоженія». Стоглавъ, изд. Каз. Дух. Ак., стр. 271.

²⁾ По мнѣнію проф. Голубинскаго, существуютъ данныя, хотя и не совсемъ ясныя и не совершенно твердыя, что русская церковь сначала получила автокефальность. *Ист. русск. церкви*, т. 1, ч. I, стр. 229—233.

³⁾ Къ сожалѣнію, полная и цѣльная формулировка этихъ воззрѣній сохранилась отъ болѣе поздняго времени, именно отъ половины XIV в. Вопросъ о подчиненіи русской метрополн константинопольскому патриарху разбирается въ книгѣ *Т. Барсова*, *Констант. патриархъ и его власть надъ русскою церковью*, главы VIII и XI.

⁴⁾ Р. И. Б., VI, прил., стр. 100 и 108.

какъ общаго отца и учителя. И если бы мнѣ можно было самому лично обходить всѣ находящіяся на землѣ города и веси и проповѣдывать въ нихъ слово Божіе, то я неупустительно дѣлалъ бы это. Но поелику одному немощному и слабому человѣку невозможно обходить всю вселенную, то мѣрность наша избираетъ лучшихъ и отличающихся добродѣтелию лицъ, поставляетъ и руководитъ ихъ пастырями, учителями и архіереями и посылаетъ въ разныя части вселенной: одного туда, въ вашу великую и многочисленную страну; другого въ другую часть земли; повсюду особаго, такъ что каждый въ той странѣ и мѣстности, которая дана ему въ жребій, представляетъ лицо, кае едру и всѣ права нашей мѣрности. Итакъ, заключаетъ патріархъ, поелику и вы имѣете тамъ вмѣсто меня преосвященнаго митрополита кіевскаго и всея Руси, ...то вы обязаны оказывать ему великую честь и благопокорность, каковую должны были бы воздавать мнѣ самому..., ибо онъ находится тамъ вмѣсто меня, имѣя наши права, такъ что оказываемое ему почтеніе, послушаніе и благопокореніе относится къ нашей мѣрности, а черезъ насъ переходитъ къ самому Богу» ¹⁾. Эта теорія находила свое практическое выраженіе главнымъ образомъ въ избраніи и поставленіи константинопольскимъ патріархатомъ высшихъ представителей русской іерархіи, которые должны были или сами приходили въ резиденцію вселенскаго патріарха, или присылать отъ себя грамоты и людей, «донося и спрашивая, о чемъ нужно» ²⁾. Примѣнительно къ русской церкви эти порядки соблюдались до половины XV вѣка.

Для упроченія упомянутой зависимости константинопольскому патріарху было выгоднѣе имѣть своими представителями на ка-

¹⁾ Р. И. В., VI, прил., стр. 110 и 112; ср. тамъ же, стр. 48. Вполнѣ соответственно этому возвращенію митр. Фотій въ окружномъ посланіи 1415—1416 г. писалъ, что какъ водный источникъ разливается по многимъ странамъ и все произрастаемое растетъ и плодитъ, «сиде же и зборная апостольская церкви Костянтина-града, яко же отъ источника паче духовнаго и безсмертнаго повсюду текущи, такоже и кіевской и всея Руси митрополыи, по иначальному чину и поплниѣ, строить попеченіе и брженіе и посылаетъ единого митрополита... И тако должномъ сущимъ всѣмъ епископомъ, княземъ вельможамъ... послушати его». И далѣе: «Се убо зборная и апостольская церкви, отъ востокъ солнца даже до запада, и отъ конецъ до конецъ вселенныя учить божественными и священными правилами, каковое покореніе должны сущи имѣти епископи къ зборнѣи Христовой и апостольстѣи церкви». Тамъ же, № 39, стр. 326—327.

²⁾ Въ настояльной грамотѣ митр. Алексѣя сказано, что «онъ необходимо долженъ, какъ повелѣвають божественныи и священныи каноны, приходить сюда въ силу своей зависимости отъ святой Божіей вселенской и апостольской церкви». Тамъ же, прилож., стр. 50.

едрѣ митрополіи всея Руси лицъ греческой національности, такъ какъ таковыя должны были гораздо больше тяготѣть къ Византіи и сильнѣе ощущать свою исключительную зависимость отъ Константинополя, а потому были болѣе склонны поддерживать интересы константинопольской церкви и имперіи, хотя бы въ ущербъ интересамъ той страны, попеченіе о духовномъ просвѣщеніи которой имъ было ввѣрено.

Поставленіе грековъ на русскую митрополію было явленіемъ совершенно естественнымъ въ первое время послѣ крещенія Руси. Весьма вѣроятно, что въ то время и большинство епископовъ были также греки, такъ какъ среди русскихъ едва-ли могло найтись необходимое число лицъ, достойныхъ занять епископскія каведры. И только послѣ учрежденія монастырей могли явиться достаточно образованные монахи для замѣщенія епископскихъ должностей. Но и долго спустя, въ числѣ русскихъ епископовъ встрѣчаются греки изъ числа выѣхавшихъ при митрополитѣ чиновниковъ ¹⁾. Митрополиты же греки были преобладающимъ явленіемъ въ теченіе всего времени, пока поставленіе на митрополію всея Руси происходило въ Константинополѣ. До монгольскаго ига изъ 21 митрополита только двое были несомнѣнно русскіе ²⁾, и тѣ были поставлены соборомъ русскихъ епископовъ. Послѣ монгольскаго ига митрополитами всея Руси были четверо русскихъ, поставленные въ Константинополѣ. Но съ какой неохотой соглашались тамъ на подобныя отклоненія отъ установившагося обычая, можно видѣть изъ настольной грамоты митр. Алексѣя, гдѣ прямо сказано, что онъ поставляется въ митрополиты только потому, что былъ рекомендованъ бывшимъ митрополитомъ грекомъ Θεογностомъ, какъ мужъ достойный и способный; что на годичномъ испытаніи въ Константинополѣ удостоившись въ доброй и похвальной славѣ его имени; что, наконецъ, объ немъ вел. князь московскій писалъ высочайшему и святому самодержцу. Въ виду всего этого «мы, говорится въ грамотѣ, хотя это совершенно необычно и не вполне безопасно для церкви, согласились на это только относительно одного киръ Алексѣя, но отнюдь не допускаемъ и не дозволяемъ на будущее время никому изъ русскихъ уроженцевъ сдѣлаться тамошнимъ архіереемъ: это предоставляется кому-либо изъ клириковъ сего богопрославленнаго, Богомъ возвеличеннаго и благоденствующаго Константинополя, отличному по до-

¹⁾ Проф. Голубинскій, Ист. русск. церкви, т. I, ч. 1, стр. 299—301.

²⁾ Национальность четырехъ не констатирована. Проф. Голубинскій, наив. соч., стр. 246—253.

бродѣтели и добрымъ качествамъ». Въ грамотѣ предлагается исполнять это и будущимъ патріархамъ, какъ дѣло весьма прекрасное и весьма благоприятное для домостроительства церкви Божіей. Почему добродѣтельный константинопольскій клирикъ былъ пригоденъ для этой цѣли, чѣмъ добродѣтельный русскій, на это въ грамотѣ находится только косвенное указаніе. Первый можетъ, сказано тамъ, разрѣшать каноническіе вопросы и водить народъ на спасительныя пажити, «довольствуясь самъ собою и не нуждаясь ни въ чьей посторонней помощи»¹⁾). Сами константинопольскіе патріархи по политическимъ соображеніямъ иногда отступали отъ только что указанной программы. Патріархъ Нифонтъ, отвѣчая великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому по поводу жалобъ на митр. Петра, пишетъ: «егда придетъ митрополитъ, или исправится тотъ или другого поставимъ, кого въ съсочетъ бога любство твое, мужа послушествована добрыми дѣлы отъ всѣхъ людей»²⁾). Патріархъ Нилъ, посвящая въ митрополиты Пимена, далъ обѣщаніе, что «послѣ него во всѣ времена архіереи всея Руси будутъ поставляемы не иначе, какъ только по просьбѣ изъ Великой Россіи»³⁾). Но это были лишь исключительные случаи уклоненія отъ намѣченной политики. Поставленіе же русскихъ и литовскихъ кандидатовъ въ митрополиты имѣло мѣсто или въ виду опасенія утратить власть надъ какой-либо частью русской митрополіи, или въ виду богатыхъ денежныхъ подарковъ⁴⁾). Византийскій писатель XIV в. Никифоръ Григора въ 37-й книгѣ своей римской исторіи рассказываетъ, что когда Русь присоединилась къ христіанству и была крещена по христіанскому обряду, то разъ навсегда было установлено, что она будетъ подчиняться власти одного духовнаго главы, который по соотвѣтственно распредѣленнымъ округамъ раздѣлитъ на отдѣльныя епископства, большія и малыя, свою церковную область, обнимающую весь народъ; что этотъ верховный глава будетъ подчиненъ константинопольскому архіепископскому престолу и будетъ получать оттуда правила, которыми обязанъ подчинять свою духовную власть; что по очереди будутъ избирать этого представителя духовной власти изъ среды русской національности

¹⁾ Р. И. В., VI, прил., стр. 46.

²⁾ Р. И. В., VI, № 16, I.

³⁾ Тамъ же, прилож., стр. 184. Впрочемъ, здѣсь имѣлось главнымъ образомъ въ виду избѣжать коллизіи между Литвой и Москвою для поддержанія церковнаго единства. Соотвѣтственно этому вел. князь Василій Васильевичъ писалъ польскому королю Казиміру, что «взысканіе митропольское нашихъ прародителей великихъ князей русскихъ и наше и до сихъ мѣстъ, а не великихъ князей литовскихъ». Тамъ же, № 100.

⁴⁾ См. ниже, глава VI.

и соотечественниковъ автора—ромеевъ по рожденію и воспитанію, которые будутъ наблюдать за тѣмъ, чтобы изъ двухъ случаевъ въ одномъ къ нимъ переходила власть послѣ смерти представителя духовной власти, такъ что утвержденный и санкціонированный этимъ распоряженіемъ союзъ двухъ народовъ, будучи основанъ на почвѣ чистосердечія, ненарушимаго доброжелательства и единства вѣры, упрочивался и проч. ¹⁾ Если такое распоряженіе не является только однимъ изъ позднѣйшихъ проектовъ установить *modus vivendi* между двумя церквями, а было издано въ дѣйствительности, то значить оно на первыхъ же порахъ было нарушено со стороны ромеевъ. Съ митр. Кирилла II дѣйствительно наблюдается поочередная смѣна національностей на кафедрахъ русской митрополіи. Но со смертію митр. Алексѣя эта очередь исчезаетъ. Послѣдніе поставленные въ Константинополѣ митрополиты всея Руси—Кипріанъ, Фотій и Исидоръ—не принадлежали къ русской національности и не были кандидатами московскаго правительства; послѣдній же былъ поставленъ даже вопреки желанію великаго князя, который отправилъ тогда для поставленія въ митрополиты архіепископа Іону.

Проведеніе идеи зависимости русской церкви отъ константинопольской чрезъ посредство избранныхъ въ Константинополѣ ставленниковъ было удобнѣе при сохраненіи единства русской митрополіи. Поэтому, надо думать, отклонено было ходатайство Андрея Боголюбскаго объ учрежденіи особой митрополіи во Владимірѣ. Поэтому-же въ XIV в., когда явилась опасность раздѣленія митрополіи, въ Константинополѣ вспомнили выгоды единства. Въ соборномъ опредѣленіи 1389 г. выражена мысль, что изначальный порядокъ управленія русской церкви однимъ митрополитомъ возникъ «не просто и не случайно»; «но такъ какъ великая русская земля раздѣлена на многія и различныя мірскія княжества и на столько гражданскихъ областей, что имѣетъ многихъ князей, которые не менѣе раздѣлены по своимъ стремленіямъ, какъ по дѣламъ и мѣстамъ, такъ что многіе возстаютъ и нападаютъ другъ на друга и поощряются къ раздорамъ, войнамъ и къ избіенію своихъ единоплеменниковъ, то божественные оные отцы, принимая во вниманіе, что не на добро и не на пользу имъ будетъ, если и церковная область распадется на многія части; что, напротивъ, единый для всѣхъ митрополитъ будетъ какъ бы связью, соединяющею ихъ съ нимъ

¹⁾ Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque nationale. T. XVII, 2 partie, Paris 1851, p. 68 et 280—281, notice 261.

и между собою, установили тамъ одну власть духовную, за невозможностью привести къ единству власть мірскую. Прекрасно разсудили они, что подчиненные одному (духовному) предстоятелю и вождю, находились-бы въ мирѣ между собою: ибо всѣ почитали-бы одну главу, поставленную по обряду истинно и перво-единой главы Христа»¹⁾. Богѣ чѣмъ сомнительно, чтобы въ Константинополѣ были заинтересованы приведеніемъ къ единству власти мірской: политическое объединеніе Руси не входило въ планы константинопольскаго правительства. Но по нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что тамъ были озабочены вопросомъ о зависимости мірскихъ князей отъ представителя духовной власти или по крайней мѣрѣ о наибольшемъ вліяніи послѣдняго на первыхъ.

Въ 1160 г. патріархъ Лука Хрисовергъ, по поводу оправданія епископа Нестора, преподаетъ Андрею Боголюбскому правила о подчиненіи представителю церкви. Патріархъ убѣждаетъ князя не противиться суду всѣхъ святителей, если онъ хочетъ имѣть часть со Христомъ Богомъ; предупреждаетъ князя, что если онъ не будетъ относиться къ епископу, «яко же подобаетъ», не будетъ повиноваться его поученіямъ и даже учинить гоненіе на «сего Богомъ даннаго святителя и учителя, повинуюся имѣмъ чресъ законъ поученіемъ», то, говорится въ посланіи, «вѣдомо ти буди, аще всего міра исполниши церкви,... гониши же епископа, главу церковную и людскую, то не церкви, то хлѣви, ни единыя же ти будетъ мзды и спасенія». Посланіе заключается слѣдующей общей мыслью объ отношеніи князя къ епископу: «вопрошай главу свою, еже есть епископа твоего, да еще что глаголетъ сиде твори. Никто-же бо отъ всѣхъ челоуѣкъ: ли святитель, ли пресвитеръ, или мнихъ, или аггелъ, ниже бо аггелъ съ небеси имѣеть такову власть вязати и рѣшати, развѣ единъ боголюбивый епископъ твой, его-же положилъ Господь Богъ главу всей земли твоей и тебѣ, да иже чествуеша епископа, чествуеша Христа, образъ бо Христовъ имать и на Христовѣ сѣдалищи сѣдитъ»²⁾. Въ настольныхъ грамотахъ и соборныхъ опредѣленіяхъ о поставленныхъ въ Русь митрополитахъ преподаются правила о благопокореніи и послушаніи митрополиту.

¹⁾ Р. И. В., VI, прилож., стр. 194 и 196. Въ 1347 г. императоръ Іоаннь Кантакузинъ писалъ Волинскому князю Дмитрію Любарту: «съ того времени, какъ русскій народъ получилъ богопованіе и просвѣщенъ святымиъ крещеніемъ, установлено тамъ обычаемъ и закономъ, чтобы во всей Руси—Великой и Малой—находился одинъ митрополитъ Кіевскій... Тамъ же, стр. 30.

²⁾ П. С. Л. т. IX, 222—223; *Макарій*, Ист. церкви, III, прил. 2-ое; Р. И. В., VI, № 3.